

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию

Пугачева Валерия Владимировича «Концептуальные основы политико-правового учения Абу-л-А'ла Маудуди: критический анализ», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве.

Диссертация Пугачева В. В. посвящена достаточно актуальной в научном и практическом отношении теме – критическому анализу политико-правовых взглядов Абу-л-А'ла Маудуди. Теоретическое значение представленного исследования объясняется необходимостью всеобъемлющего изучения разнообразных течений исламской мысли в современном мире, характеризующемся плюрализмом взглядов и идеологических позиций. Без такого анализа невозможно объективно оценить роль, которую играет ислам в политико-правовом развитии мусульманских стран и международной политике.

Практическая актуальность избранной в качестве темы диссертации проблематики определяется тем, что различные исламские политико-правовые концепции непосредственно влияют на состояние современного исламского права и правовых систем мусульманских стран вообще. Это особенно характерно для нынешнего этапа развития указанных стран, в которых роль исламского права в последние полвека заметно растет. Кроме того, состояние исламских политико-правовых концепций прямо отражается на отношениях мусульманских стран с остальным миром, а также на положении мусульманских меньшинств вне указанных стран. В частности, внешняя политика России в отношении мусульманского мира должна проводиться с учетом большого разнообразия современной исламской политико-правовой мысли. К крупнейшим мусульманским идеологам,

определявшим состояние данной мысли в прошедшем веке, безусловно, относится Абу-л-А'ла Маудуди.

Следует также учитывать, что идейное наследие этого мыслителя пока не подвергалось всестороннему исследованию в российской правовой науке. Его отдельные взгляды в известной степени анализировали лишь отечественные историки и политологи. Однако политико-правовые концепции Абу-л-А'ла Маудуди до сих пор не были объектом специального анализа с позиций теории права и государства.

С учетом указанных обстоятельств диссертант выбрал тему своего исследования и вполне корректно сформулировал его цель и задачи. При этом Пугачев В. В. сконцентрировал свое внимание на определении принципиальных черт хакимии как важнейшего доктринального нововведения в политико-правовом учении Маудуди с учетом позиций, занятых представителями научного сообщества мусульманского мира по вопросу о соответствии этой концепции основным доктринальным положениям ислама. Одновременно автор в качестве приоритетной задачи выделил анализ отличительных особенностей учения Маудуди о таджиде и «исламской революции» в его соотношении с традиционным для мусульманской мысли представлением о джихаде.

Постановка исследовательских задач с одновременным выделением приоритетных вопросов позволила диссертанту прийти к ряду обоснованных выводов и вполне убедительных заключений, которые заслуживают поддержки.

Так, в Главе I. «Геологические основания политико-правового учения Маудуди: джахилийя и хакимия» Пугачев В. В. подробно раскрывает своеобразие подхода Маудуди к понятию джахилийи, занимающему особое место в исламской мысли. На примере данного ключевого понятия автор показывает, какой образ концепции классического ислама приобрели в результате их реконструкции и реинтерпретации в политико-правовом учении Маудуди. Диссертант с полным основанием приходит к выводу, что,

согласно Маудуди, значение джахилийи в исламе охватывает любое направление действия, которое противостоит исламской культуре, исламской морали и поведению или исламскому умунастроению (с.19). Следует отметить, что такое понимание, обоснованное пакистанским мыслителем, разделяют многие современные мусульманские авторы.

На этой основе диссертант детально анализирует ключевую идею Маудуди – его концепцию «хакимийи». Он убедительно показывает, что данное учение лежит в основе понимания ислама как политической системы, а не только набора догматических предписаний и культовых правил (с.26 и сл.). Такое представление составляет стержень идейных установок и политических программ многих современных исламских течений и организаций, выдвигающих цель возрождения исламской государственности, противостоящей современным формам власти.

В Главе II автор подробно исследует представления Маудуди о праве и государстве. В данном разделе диссертации особый интерес представляет анализ подхода Маудуди к иджтихаду и его обоснование познавательных возможностей человеческого разума, в том числе и применительно к пониманию хадисов (с.52 и сл.). Одновременно вкладом в изучение взглядов Маудуди является вывод Пугачева В. В. о том, что пакистанский мыслитель формулировал свое понимание основ фикха, опираясь на достижения различных школ исламской правовой доктрины (с.56 и др.). Отметим, что данного подхода в настоящее время придерживаются многие мусульманские правоведы умеренного (просвещенного) толка.

В данном разделе своего исследования диссертант подвергает анализу понимание Маудуди исламского государства (халифата) как наместничества Аллаха. Такая позиция существенно отличается от позиции классической суннитской исламской мысли, которая считает халифат продолжением власти на Аллаха, а Пророка Мухаммада. В этом отношении Пугачев В. В. вполне убедительно показывает прямую связь понимания Маудуди халифата с его концепцией хакимийи. Эта же зависимость прослеживается в

концепции «тео-демократического» государства, предложенной Маудуди, которую рассматривает диссертант. Он приходит к выводу, что Маудуди признает только коранический «халифат Аллаха» в качестве единственной допустимой с точки зрения ислама формы правления (с. 81). Причем несмотря на крайне негативное отношение Маудуди как к демократии, так и теократии в присущем ему специфическом понимании этих терминов, политический режим в исламском государстве характеризуется этим автором как «тео-демократия» (с.85). Вместе с тем автор вполне обоснованно отмечает, что представления Маудуди о государстве отличаются идеализмом, оторванностью от действительности. Такие сформулированные Пугачевым В. В. оценки заслуживают поддержки.

В Главе III диссертант исследует выдвинутую Маудуди теорию «обновления» религии, сопоставляя ее с аналогичными по тематике взглядами крупных мусульманских мыслителей. На этой основе он анализирует разработанное пакистанским теоретиком понимание джихада, отмечая определенную его противоречивость. В данном разделе автору удалось в целом сбалансированно представить позиции исламской политико-правовой теории по отношению к джихаду и на этом фоне показать специфику понимания данного понятия Маудуди, который видел в джихаде в первую очередь шариатско-правовую обязанность борьбы с моральным разложением и безнравственностью (с.109).

В заключении работы диссертант в сжатой форме излагает основные выводы, к которым он пришел в ходе своего исследования.

К положительным сторонам диссертации Пугачева В. В. следует отнести использование весьма широкого круга источников, практически исчерпывающий анализ всего научного наследия Маудуди по проблемам права и государства, а также показ его взглядов по этим вопросам на фоне позиций крупных мусульманских правоведов, теологов, политологов, государствоведов.

Вместе с тем в диссертации Пугачева В. В. имеются отдельные недостатки и спорные суждения. К упущениям общего характера, на наш взгляд, можно отнести то обстоятельство, что автор включил в свою работу крайне ограниченную информацию о самом Абу-л-А'ла Маудуди, его деятельности как участника политической жизни, влиянии его взглядов на формирование пакистанской государственности. Представленная диссертация адресована главным образом правоведам, большинство которых вряд ли знакомо с этими вопросами. Между тем, без их учета взгляды Маудуди трудно оценить со всей объективностью, принимая во внимание политический контекст их формирования и развития.

Кроме того, общим недостатком следует считать отсутствие в диссертации сопоставления взглядов Маудуди на государство с современными исламскими представлениями о халифате. Пугачев В. В. ограничился весьма подробным анализом тех концепций халифата и султаната, которые были характерны для классической исламской мысли, в их сравнении с позицией Маудуди, а также взглядов некоторых мусульманских мыслителей, которые оценивали идея пакистанского ученого. Однако в наши дни, особенно в ходе и после так называемой арабской весны, для исламской политико-правовой мысли типичны жаркие дискуссии вокруг возможности возрождения халифата. Одновременно получила распространение теория исламского «гражданского государства» с исламской (шариатской) ориентацией, которая связывается с именами, прежде всего, ал-Ганнуши и ал-Карадави. Представляется, что анализ взглядов Маудуди на фоне этих теорий был бы уместен в диссертации.

К недостаткам общего характера надо отнести тот момент, что диссертант, используя термины, связанные с правом, не поясняет, как он понимает право и какой смысл вкладывает в соответствующую терминологию. Например, Пугачев В. В. оперирует понятиями «шариатско-правовая норма» (с.10, 46, 56), «правовые предписания сунны» (с.10), «применение иджтихада в законодательной деятельности» (с.10),

«божественное господство как источник законодательства» (с.19), «всеобъемлющая законодательная власть Аллаха» (с.19). «суннитская юридическая доктрина» (с.46), «классическая суннитская теория права» (с.46), «религиозно-правовая норма» (с.47), «религиозно-правовая мысль» (с.94), «правовое наследие Маудуди» (с.4). Остается неясным, в каком значении использует автор эту терминологию, и зачем он это делает. Почему нельзя говорить просто о шариате и фикхе и не связывать эти феномены с правом? Если же автор такую связь видит, то должен пояснить ее природу.

Наконец, среди общих моментов диссертации, вызывающих вопросы, можно отметить нечеткую характеристику взглядов Маудуди на фоне основных пражлений современной исламской мысли. Так, говоря о значимости своего исследования, автор подчеркивает, что его выводы могут использоваться для противодействия экстремистской деятельности, дальнейшей разработки основ противодействия терроризму, правовых и организационных принципов его профилактики (с.13). Остается неясным, являются ли взгляды Маудуди идейной базой такой деятельности или, наоборот, должны быть инструментом борьбы с ней. В этом отношении привлекает внимание вывод автора о том, что Маудуди по праву признается «интеллектуальным предтечей» исламского фундаментализма (с.120). Но Пугачев В. В. не поясняет, как он понимает исламский фундаментализм. Ведь, как правило, этот термин воспринимается в качестве синонима исламского радикализма, экстремизма и даже терроризма. Хотя есть и иное понимание исламского фундаментализма. Какое же из них разделяет диссертант?

В диссертации Пугачева В. В. имеются и недостатки частного характера. Например, арабский термин «усул ал-фикх» некорректно понимать как «источники мусульманского права» (с.9). Он означает источники («указатели») фикха вместе с установленными фикхом в значении науки способами формулирования правил внешне выраженного поведения и оценок. Связывать данный термин с правом нет оснований. Остается

непонятной характеристика Рашиды Риды в качестве идеолога салафитского модернизма (с.11). Кроме того арабский термин таухид лучше переводить как «единобожие», а не «единство божества» (с.16).

Трудно согласиться с выводом о том, что с точки зрения науки мусульманского права под шариатом понимается совокупность религиозно-правовых предписаний Корана и сунны (насс), или шариатско-правовых норм. Указанный подход к определению понятия «шариат», полагает автор, разделяется подавляющим большинством суннитских юристов (с.47). На самом деле, наоборот, такое понимание типично для шиитской теории и совсем не характерно для суннитской мысли.

Кроме того, рациональные источники фикха («кийас», «маслаха мурсала», «истихсан», «истисхаб» и другие) являются не источниками иджтихада, как утверждает автор (с.50, 58), а представляют собой варианты самого иджтихада. Арабский термин «маслаха мурсала» неправильно переводить как «независимое полезное действие» (с. 56), хотя такое ошибочное понимание, к сожалению, утвердилось в литературе. Вопреки выводу диссертанта индивидуальное мнение факиха, не обязательно для его учеников и последователей (с.59). Этим оно отличается от решения суда.

Трудно согласиться с тем, что понимание джихада как разновидности исламской миссионерской деятельности в целом не характерно для исламской правовой доктрины (с. 108). Ведь сам автор ссылается на книгу ал-Бути о джихаде, в которой обосновывается именно такой взгляд.

Можно отметить и некоторые имеющиеся в диссертации языковые погрешности. Так, имя одного из крупнейших современных мусульманских ученых автор воспроизводит как «ал-Кардави» (с.6 и др.), хотя на самом деле его зовут «ал-Карадави». Имя выдающегося мусульманского мыслителя-энциклопедиста не «Таймийа» (с. 9 и др.), а «Таймиййа». Другой авторитетный теолог и правовед носит имя не «ал-Газали» (с.92), а «ал-Газзали». Состав консультативного органа при мусульманском правителе следует именовать на «ахл ал-хал ва-л-'акд» (с.10, 92), а «ахл ал-халл ва-л-

‘акд». Автор пишет имя крупнейшего мусульманского ученого по-разному - «Ибн Халдун (с.10 и др.) и «Ибн Хальдун» (с. 81 и др.).

Отмеченные выше замечания на ставят под сомнение высокий уровень диссертационного исследования Пугачева В. В. Оно представляет собой законченную самостоятельную работу, посвященную решению актуальной научной проблемы.

Это дает основание для вывода о том, что диссертация Пугачева Валерия Владимировича на тему: «Концептуальные основы политико-правового учения Абу-л-А‘ла Маудуди: критический анализ» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете». Соискатель Пугачев Валерий Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 — теория и история права и государства; история учений о праве и государстве. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета
профессор Департамента общих и
межотраслевых юридических дисциплин
Факультета права Национального исследовательского
Университета «Высшая школа экономики»
доктор юридических наук, профессор

Сюкияйнен
Леонид Рудольфович

16 января 2020 г.

